(902 г.). Левой рукой он держит кодекс. Такое положение рук указывает на то, что евангелист представлен здесь в раннем иконографическом типе размышляющего философа, а не писца. Средняя прядь зачесанных назад волос у Марка на окладе выделена, так же как у помещенного напротив него Матфея. Мне кажется существенным указать на чрезвычайную близость иконографического типа евангелиста Марка библии Есайи Ншеци 1318 г. с одноименным евангелистом церкви Успения в Никее (XI в.)[44]. Вместе с тем положение рук и общее осмысление евангелиста как философа в византийском образце ближе к Марку нашего оклада, тогда как Марк Гладзорской библии переосмыслен как писец.

По-видимому, принятая в Гладзорской рукописи серия евангелистов, если не целиком совпадающая, то параллельная изображенной на нашем окладе, также восходит к ранним прототипам, хотя и менее чисто сохраняет их.

Отличительной чертой евангелистов на окладе Генуэзской рукописи является то, что они, хотя и пишут в кодексах, больше приближаются к типу размышляющих мудрецов, чем усердных писцов. Взор их устремлен вперед, что в Гладзорской школе мы видим лишь у евангелистов с поднятой к подбородку рукой, в то время как другие смотрят на писание, а головы их низко склоняются над ним.

Г. Овсепян обращает внимание также на разлиновку листов кодексов у евангелистов на окладе двойными линиями. Это указывает на то, что евангелист должен писать еркатагиром, что свидетельствует о более раннем иконографическом типе, так как в XIV в. уже начинает господствовать болорогир [45]. Эта особенность уже не сохраняется в Гладзорских рукописях.

Своеобразие типа евангелистов генуэзского оклада заключается в том, что они изображены сидящими на креслах с высокими спинками. Эта черта не типична для иконографии евангелистов армянских рукописей. Кресла, хотя и не вполне аналогичные, встречаются только в ранних армянских евангелиях, например в евангелии 1166 г. (Матенадаран, № 7347) в миниатюре с изображением Христа и в Могнинском евангелии в миниатюре с изображнием Марка. В последнем случае принципиально сходно и заполнение спинки. Кресло-трон встречается в XI—XIII вв. в Сванских иконах, но восседает на нем богоматерь [46]; сидящим на троне изображается также Христос.

Однако полные аналогии к евангелистам, сидящим на креслах с высокими спинками, мне остались неизвестны, что затрудняет сделать какой-либо вывод из этой иконографической черты.

Изложенные мною наблюдения дают возможность составить некоторое представление о памятнике, принадлежащем к малоизученной области армянского искусства. Они позволяют говорить об определенной если не школе, то мастерской, находившейся в районе монастыря Хоромос, где еще в XIV в. создавались серебряные изделия, отличавшиеся достаточно высоким техническим исполнением и своеобразием стиля.

Иконография лицевых изображений оклада, свидетельствуя о возникновении в это время иконных типов, позволяет в некоторых случаях наметить связь их с памятниками балканских стран при общей тенденции использовать глубоко уходящие в культурную почву Армении архаические образцы.

---

[44] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, табл. 98.
[45] Г. Овсепян. Страницы из истории армянского искусства и ремесла, стр. 41.
[46] Г. Н. Чубинашвили. Указ. соч., табл. 31.